

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 88–99.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 88–99.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-88-99

Н. А. БЕРДЯЕВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Илья Ильич Павлов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
iipavlov@hse.ru

 Аннотация. В статье разрабатываются методологические основания для академического исследования взаимоотношений философии Н. А. Бердяева с православным богословием и Православной церковью. Показывается, что существующие исследования темы «Бердяев и православие», в силу отсутствия в них рефлексивной разработки научной методологии, в своей концептуальной части подчас сводятся к вынесению оценок, исходя из религиозных взглядов того или иного ученого. В качестве альтернативы предлагается комплексный подход интеллектуальной истории, позволяющий работать с историей дискурса о православии не нормативно, а дескриптивно. В рамках такого подхода сам термин «православие» может рассматриваться в духе концепции «борьбы за именование» Г. Люббе — как понятия, за содержание которого ведется политическая борьба. В этом случае различные тексты Бердяева, в которых философ использует разные способы разговора о православии, могут расцениваться

© Павлов И. И., 2022

ся не как противоречащие друг другу и «парадоксальные», а представляющие набор дискурсивных стратегий философа, используемых им в рамках идейной борьбы внутри дискурса о религии.

Ключевые слова: история русской философии, Бердяев, православие, интеллектуальная история, история понятий, Люббе

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Павлов И. И. Н. А. Бердяев и интеллектуальная история православия: предварительные замечания // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 88–99.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-88-99>.

Literature. Philosophy. Religion

N. A. BERDYAEV AND THE INTELLECTUAL HISTORY OF ORTHODOXY:
PRELIMINARY OBSERVATIONS

Ilya I. Pavlov

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, iipavlov@hse.ru

Abstract. The article develops methodological foundations for the academic study of the relationship of N. A. Berdyaev’s philosophy with Orthodox theology and the Orthodox Church. It is demonstrated that the existing research on the topic “Berdyaev and Orthodoxy” due to the lack of a reflexive development of research methodology tend to be reduced to evaluating Berdyaev’s position based on a scholar’s religious views. On the contrary, a proposed comprehensive approach of intellectual history allows working with the history of the discourse about Orthodoxy not normatively, but descriptively. Within the framework of this approach, the word “Orthodoxy” can be considered, in terms of H. Lübbe’s idea of “struggle for naming”, as a concept the meaning of which is a matter of a political struggle. In this case, Berdyaev’s texts, in which the philosopher uses different ways to talk about Orthodoxy, can be regarded as not contradictory and ‘paradoxical’, but as a set of the philosopher’s

discursive strategies used by him in the framework of the ideological struggle within the discourse about religion.

Keywords: history of Russian philosophy, Berdyaev, Orthodoxy, intellectual history, history of concepts, Lübbe

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Pavlov, I.I. (2022) ‘N.A. Berdyaev and the Intellectual History of Orthodoxy: Preliminary Observations’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 88–99. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-88-99.

Обращающийся к истории русской религиозной философии исследователь не может игнорировать ее культурную связь с православным контекстом. Такая связь может быть обнаружена в случае не только тех философов, которые открыто говорили о своей принадлежности к православию, но и тех, которые выстраивали свои размышления, отталкиваясь от критики официальной церкви. Эта тема часто возникает и в исследованиях творчества Николая Александровича Бердяева (1874–1948) — философа, в работах которого можно обнаружить как пассажи, комплиментарные по отношению к православию [Бердяев, 2001], так и критику церкви, осуществляемую из позиции христианского философа, свободного от всякой конфессиональной принадлежности [Бердяев, 1991, с. 175, 314 и др.]. Каким образом размышления Бердяева о православии и их связь с внутренней логикой философии русского мыслителя могут стать предметом академического изучения?

В существующих исследованиях тема «Бердяев и православие» неоднократно поднималась. Как правило, ее рассмотрение сводилось к двум аспектам: с одной стороны, исследователи обращали внимание на слова Бердяева о его окончательном обращении в христианство в 1906 году и констатировали участие мыслителя в таинствах Православной церкви — исповеди и причастии [Половинкин, 2017, с. 143]¹, а с другой — указывали на ряд противоречий

¹ Следует отметить, что в цитируемом Половинкиным фрагменте Бердяев говорит об обращении к вере во Христа, а не конкретно в православие.

метафизической концепции Бердяева православному богословию, подчас критикуя его философию с позиций православия².

Подобный подход, на мой взгляд, не может быть признан достаточным с научной точки зрения, поскольку в нем мы обнаруживаем привнесение исследователями в свою работу собственных религиозных взглядов, которые в рамках исследования не получают какой-либо научной аргументации. В качестве характерного примера можно привести пассаж из статьи «Бердяев и православие» одного из наиболее признанных историков русской философии — С. М. Половинкина. В данном фрагменте ученый открыто оценивает концепцию Бердяева как «ошибку»:

Главная ошибка Бердяева — утверждение пропасти между Богом и миром, между Христом Евангелий и «исторической Церковью», которая, будучи объективацией с ее насилующей ортодоксией и иерархией, лишена Духа Христова, полного свободы и любви. Объективация непроницаема для действий Духа Божия.

[Половинкин, 2017, с. 146]

При этом приведенное суждение в остальном тексте статьи никаким образом не аргументируется. Если С. М. Половинкин и верил в действие Духа Божия в Православной церкви, это является его частной верой, и возможность ее привнесения в научное исследование по истории философии представляется как минимум спорной. При этом остается открытым вопрос, как подобное суждение соотносится с утверждением исследователя в другом месте статьи о «верности» Бердяева православию, сделанным также исходя из религиозной предпосылки, что исповедь и причастие в определенной конфессии означают «верность» ей [там же, 143].

Очевидно, что приверженность православию является далеко не единственным возможным религиозным бэкграундом исследователя, и подобно тому, как Половинкин говорит об «ошибке» Бердяева исходя из своей веры в Православную церковь, ученые с другой позицией могут выдвигать прямо противоположный тезис, оценивая философию Бердяева как куда более истинную, чем конфессиональное православное богословие и традиционное

² См. характерные размышления П. П. Гайденко о «люциферической» свободе Бердяева [Гайденко, 2001, с. 317 сл.]. Также см. книгу И. В. Воронцовой о движении «нового религиозного сознания», в которое исследовательница включает и Бердяева, начинающуюся со слов: «С первых веков христианства Церковь сталкивается с попытками исказить истины христианской веры, модернизировать христианство посредством некоего “нового” или “тайного” знания, адаптировать его к интересам “века сего”» [Воронцова, 2008, с. 5]. Философию Бердяева Воронцова рассматривает как один из примеров подобного «искажения истины веры».

христианство. Подобное суждение мы можем встретить у другого известного историка русской философии И. И. Евлампиева:

Разъясняя смысл христианского гнозиса, Бердяев <...> постоянно противопоставляет его традиционному христианству, всегда пытавшемуся приспособить безмерную глубину Откровения — подлинного «гнозиса», в котором была открыта Истина о Боге и человеке, — к уровню обыденного сознания; тем самым христианство лишало человека возможности проникнуть в главные тайны мира...

[Евлампиев, 2013, с. 42]

Таким образом, в ряде работ, рассматривающих отношение философии Бердяева к православию, мы встречаем самые разные суждения, подчас опирающиеся не на научную аргументацию, а на личную веру исследователей. Подобные подходы представляются, на мой взгляд, недостаточными не только в силу их религиозной ангажированности, но и потому, что они не позволяют дать последовательный ответ на вопрос, почему в текстах Бердяева мы встречаем не только ту позицию, которую критикует С. М. Половинкин и приветствует И. И. Евлампиев, но и размышления о «святине подлинного православия» [Бердяев, 1999, с. 288–289] и «истине православия» [Бердяев, 2001].

Возможна ли альтернатива подобным способам работы с темой «Бердяев и православие»? Каким образом эта тема может быть освещена с научно-исторической точки зрения, свободной от привнесения в научную работу тех или иных религиозных предпосылок?

На мой взгляд, в качестве новой исследовательской перспективы может выступать то, что я бы назвал *интеллектуальной историей православия*, а именно — изучение наличных в истории дискурсов о православии, находящихся в различных отношениях к тем или иным церковным организациям и религиозным практикам.

Понятие интеллектуальной истории означает не некую универсальную методологическую программу, а скорее набор подходов, практикуемых разными школами и объединенных сходством. Из идей, разработанных в рамках дискуссий об интеллектуальной истории, мне представляются продуктивными для исследования творчества Бердяева следующие.

Во-первых, крайне значимым я считаю замечание Р. Рорти об отличии междисциплинарной интеллектуальной истории от других «жанров» истории философии, поскольку, по Рорти, интеллектуальный историк не пытается, исходя из своих представлений о дисциплинарных границах, установить,

был ли тот или иной мыслитель философом, писателем или богословом, но описывает его деятельность как интеллектуала в целом [Рорти, 1994]. В случае истории мысли Бердяева замечание Рорти позволяет отказаться от дискуссий, является ли религиозная мысль Бердяева философией или богословием (и, соответственно, от нормативных богословских оценок концепции Бердяева в качестве ортодоксии, ереси либо некоего истинно-христианского гнозиса).

Во-вторых, подход Рорти может быть продуктивно дополнен рядом идей, предложенных теоретиками Кембриджской школы (К. Скиннер, Дж. Покок и др.), в рамках которой тексты философов рассматриваются как речевые действия, осуществляемые в том или ином политическом контексте [Атнашев, Велижев, 2018].

Третьим значимым элементом предлагаемого подхода мне представляется выдвинутая представителем школы «истории понятий»³ Г. Люббе идея «борьбы за именование». В программной статье «Быть и именоваться» Люббе предлагает рассматривать и предикаты того или иного понятия, и само именование как используемое интеллектуалами в рамках политической борьбы и решения вопроса о власти [Люббе, 2017]. На мой взгляд, в случае работы с темой «Бердяев и православие» идея Люббе может быть продуктивно применена к самому понятию «православие». Дело в том, что те методологические проблемы, которые были обозначены выше на примере статьи С. М. Половинкина, могут быть оценены как связанные с привнесением исследователем определенной концепции православия, что имеет место и когда Половинкин называет исповедь и причастие Бердяева в Православной церкви свидетельством его «верности» православию, и когда классифицирует определенные взгляды Бердяева на церковь в качестве «ошибки», не аргументируя свое утверждение ни философски, ни научно. Применение же подхода, предложенного Люббе, позволит одновременно и не игнорировать тему «Бердяев и православие», крайне значимую для понимания творчества русского мыслителя⁴, и не проносить контрабандой в ее исследование то или иное понимание православия, внешнее по отношению к собственной логике исследования.

В рамках данного подхода размышления Бердяева о православии должны не нормативно оцениваться исходя из того или иного понимания православия, привносимого в исследование извне, а дескриптивно анализироваться, исходя из дискурса самого Бердяева, — включая прагматическое измерение дан-

³ О Люббе в контексте истории понятий см. [Куренной, 2017]. Сопоставление подхода истории понятий и Кембриджской школы см. [Рихтер, 2018].

⁴ Практически во всех крупных трактатах Бердяева мы обнаруживаем размышления философа о церкви, «историческом христианстве», догматической ортодоксии и т. п.

ного дискурса как действия, реконструируемого из контекста высказывания. Одним из таких прагматических измерений может быть названа та критика Бердяевым официальной Православной церкви, ее иерархии и «школьного» богословия, о которой говорят многие исследователи его творчества, не исключая и С. М. Половинкина [Половинкин, 2017, с. 144–147]. Следует отметить, что данная критика не является исключительной особенностью философии Бердяева: как пишет К. М. Антонов, полемичность по отношению не только к антирелигиозным секулярным течениям, но и к официальному богословию церковных иерархов и духовных школ была характерна для всего направления русской религиозной философии (включая богословствующих мирян), развивавшейся внутри светской культуры, ее языка и институтов [Антонов, 2020, с. 78]. При этом, поскольку именно церковное богословие обладало авторитетом в области религиозного дискурса — или, говоря в фукольдиданских терминах, — механизмами легитимации своей дискурсивной власти говорить о религиозной истине, религиозным философам приходилось легитимировать свою речь посредством критики церковной иерархии.

В каком же соотношении данная критика, а также утверждения Бердяева о себе как о свободном от конфессионального богословия философе находятся к тем пассажам, где он говорит о «святыне православия» и «истине православия»? Можно предположить, что наряду со стратегией прямой критики Православной церкви как одной из конфессий с официальной вероучительной доктриной и авторитетом иерархии Бердяев в ряде текстов реализует и другую стратегию — участвует в борьбе за содержание понятия «православие», настаивая, что именно свободная философия самого Бердяева, а не официальное богословие церковной иерархии, устанавливает, чем же православие является.

Данная стратегия вводится Бердяевым уже в статье «Политический смысл религиозного брожения в России» (1903), где, критикуя связь Русской церкви того времени с самодержавием и говоря о необходимости «коренной реформации организации церкви», мыслитель считает, что сама Православная церковь не ограничивается Победоносцевым и может быть оппозиционной [Бердяев, 2002, с. 153–154]. В данном пассаже Бердяев вводит различие православия и связанных с ним властных институтов, встроенных в государственную систему Российской империи. Однако далее философ предлагает понимать православие как «союз любви», утверждает, что при таком понимании Православная церковь еще не создана, и оставляет открытым вопрос, можно ли называть Православной церковью одной из исторических форм христианства [там же, 155], по отношению к которой Бердяев далее использует выражение «историческое православие» [там же, 157].

В последующих текстах мыслителя мы также обнаруживаем данную полемическую стратегию. В частности, крайне критический по отношению к официальной церкви трактат «Новое религиозное сознание и общественность» (1907), написанный в период увлечения Бердяева идеей Д. С. Мережковского о «третьем завете»⁵, заканчивается размышлениями о «святыне подлинного православия», которая, по мысли философа, должна войти в ожидаемую им религию «третьего завета» [Бердяев, 1999, с. 288–289]. Более того, во введении к сборнику статей «Духовный кризис интеллигенции» (1910), который традиционно рассматривается как результат обращения Бердяева к православию и отхода от идей Мережковского [Колеров, 1996, с. 281], философ также критикует иерархию, противопоставляя человеческую сторону церкви, к которой он относит церковную власть, божественной [Бердяев, 2009, с. 14].

Такая стратегия реализовывалась Бердяевым не только в рамках критики синодальной церкви в Российской империи, но использовалась философом и после Октябрьской революции и вынужденной эмиграции. В частности, в статье «Русская религиозная идея» (1924) философ утверждает:

По православному сознанию никакого специфического дара учительства не принадлежит иерархам Церкви. Светский писатель может быть более истинно православным и может [иметь] более право учить, чем митрополит. <...> Дух русского православия нельзя изучать по богословским трактатам, по официальному учению Церкви <...>.

[Бердяев, 1924, с. 66]

Таким образом, случаи употребления Бердяевым понятия «православие» могут быть рассмотрены как реализация философом различных дискурсивных стратегий критики церковной иерархии и официального богословия в рамках борьбы за механизмы легитимации религиозного дискурса. При этом философ мог пользоваться не только прямой критикой православия, употребляя это слово для обозначения конкретной конфессии (то есть в том смысле, в каком оно используется, например, С. М. Половинкиным), но и предлагать переосмысление содержания данного понятия в рамках борьбы за именование, чтобы оно обозначало не одну из конфессий со своим вероучением и церковной иерархией, а нечто другое — то, о чем говорит сам Бердяев и в именовании чего он вступает в полемику с официальной церковной властью.

⁵ Об этом периоде см.: [Воронцова, 2008, с. 72–112].

Методология интеллектуальной истории позволяет зафиксировать данное употребление, не вынося ему никаких богословских и философских оценок⁶, но воспринимая его как исторический факт, который представляет собой один из сюжетов интеллектуальной истории православия как понятия, связанного с властными отношениями внутри истории религиозного дискурса.

Список источников

Антонов К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. Ч. 1. 608 с.

Атнашев Т. М., Велижев М. Б. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–50.

Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции / репр. изд. М.: Канон+, 2009. 396 с.

Бердяев Н. А. Истина православия // Православие: pro et contra / под ред. В. Федорова. СПб: РХГА, 2001. С. 386–394.

Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 1999. 462 с. (История философии в памятниках).

Бердяев Н. А. Русская религиозная идея // Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, YMCA-Press, 1924. С. 52–138.

Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 445 с.

Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+; Реабилитация, 2002. 655 с. (История философии в памятниках).

Воронцова И. В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М.: ПСТГУ, 2008. 420 с.

Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 468 с. (Панорама философской мысли).

⁶ Это не исключает возможности для самого исследователя иметь те или иные религиозные убеждения (в том числе, возможно, ту или иную позицию по вопросу, что такое православие), однако требует от него методологически дистанцироваться от своих личных убеждений в научной исторической работе. Здесь мне также хотелось бы ответить на возможное обвинение в релятивизме. Я вовсе не утверждаю, что никакой истины не существует, а есть-де лишь игра дискурсов и борьба за власть; напротив, моя методология предполагает, что в рамках исторически наличных дискуссий интеллектуалы стремились к познанию истины и именно потому участвовали в политической борьбе за именование, что считали свою позицию истинной.

Евлампиев И. И. Абсолют как свобода: Н. Бердяев // Николай Александрович Бердяев / под ред. В. Н. Поруса. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 37–85.

Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетея, 1996. 373 с. (Исследования по истории русской мысли; Т. 1).

Куренной В. А. История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 197–239.

Люббе Г. Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 240–256.

Половинкин С. М. Н. А. Бердяев и православие // Вестник РХГА. 2017. Т. 18. № 3. С. 142–148.

Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 347–380.

Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. Т. 2. С. 305–330.

References

Antonov, K.M. (2020) “*Kak vozmozhna religiya?*”: *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoi religioznoi mysli XIX–XX vekov: v 2 chastyakh. Chast' 1* [“*How Is Religion Possible?*”: *Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19–20th Centuries: in 2 parts. Part 1*]. Moscow: PSTGU Publ.

Atnashev, T.M., Velizhev, M.B. (2018) ‘Kembriidzhskaya shkola: istoriya i metod’ [‘The Cambridge School: History and Method’], in *Kembriidzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–50.

Berdyayev, N.A. (1924) ‘Russkaya religioznaya ideya’ [‘Russian Religious Idea’], in *Problemy russkogo religioznogo soznaniya* [Problems of Russian Religious Consciousness]. Berlin, YMCA-Press, pp. 52–138.

Berdyayev, N.A (1991) *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow: Kniga.

Berdyayev, N.A. (1999) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New Religious Consciousness and Society]. Moscow: Kanon+; OI “Reabilitatsiya”. (Istoriya filosofii v pamyatnikakh [History of Philosophy in Monuments]).

Berdyayev, N.A. (2001) 'Istina pravoslaviya' ['The Truth of Orthodoxy'], in Fedorov, V. (ed.) *Pravoslavie: pro et contra [Orthodoxy: Pro et Contra]*. St. Petersburg: RKhGA, pp. 386–394.

Berdyayev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.) [Sub Specie Aeternitatis. Philosophical, Social, and Literary Essays (1900–1906)]*. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. (Istoriya filosofii v pamyatnikakh [History of Philosophy in Monuments]).

Berdyayev, N.A. (2009) *Dukhovnyi krizis intelligentsia [The Spiritual Crisis of the Intelligentsia]*. Reprint. Moscow: Kanon+.

Evlampiev, I.I. (2013) 'Absolyut kak svoboda: N. Berdyayev' ['Absolute as Freedom: N. Berdyayev'], in Porus, V.N. (ed.) *Nikolai Aleksandrovich Berdyayev [Nikolay Aleksandrovich Berdyayev]*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 37–85.

Gaidenko, P.P. (2001) *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]*. Moscow: Progress-Traditsiya. (Panorama filosofskoi mysli [Panorama of Philosophical Thought]).

Kolerov, M.A. (1996) *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot "Problem idealizma" do "Vekh". 1902–1909 [Not Peace, but Sword. Russian Religious and Philosophical Press from "Problems of Idealism" to "Vekhi". 1902–1909]*. St. Petersburg: Aleteiya. (Issledovaniya po istorii russkoi mysli; Tom 1 [Studies in the History of Russian Thought; Vol. 1]).

Kurennoi, V.A. (2017) 'Istoriya filosofskoi istorii ponyatii: predislovie k perevodu G. Lyubbe' ['History of the Philosophical History of Concepts: Preface to the Translation of H. Lübbe'], *Sotsiologiya vlasti*, 29(4), pp. 197–239.

Lübbe, H. (2017) Byt' i imenovat'sya. Istoriya znacheniya kak pole politicheskogo yazykovogo deistviya [Sein und Heißen. Bedeutungsgeschichte als politisches Sprachhandlungsfeld], *Sotsiologiya vlasti*, 29(4), pp. 240–256.

Polovinkin, S.M. (2017) 'N.A. Berdyayev i pravoslavie' ['N.A. Berdyayev and Orthodoxy'], *Vestnik RKhGA*, 18(3), pp. 142–148.

Richter, M. (2018) 'Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte' ['Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte'], in *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 347–380.

Rorty, R. (1994) 'Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra' ['The Historiography of Philosophy: Four Genres'], in Russell, B. *Istoriya zapadnoi filosofii i ee svyazi s politicheskimi i sotsial'nymi usloviyami ot Antichnosti do nashikh dni. Tom 2 [A History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Conditions from Antiquity to the Present Day. Vol. 2]*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, pp. 305–330.

Vorontsova, I.V. (2008) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' v nachale XX veka* [*Russian Religious and Philosophical Thought at the Beginning of the 20th Century*]. Moscow: PSTGU Publ.

Информация об авторе: И. И. Павлов — преподаватель Школы философии и культурологии, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: I. I. Pavlov — Lecturer at the School of Philosophy and Cultural Studies, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021;
одобрена после рецензирования 03.03.2022;
принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 03.09.2021;
approved after reviewing 03.03.2022;
accepted for publication 05.03.2022.